

УДК 398.2

DOI 10.31483/r-107260

Салмин А. К.

ТРАДИЦИИ ЧУВАШСКОГО И КАЛМЫЦКОГО СКАЗОЧНОГО ЭПОСА

Аннотация: статья посвящена многолетнему спору о свойственности / не свойственности сказочному жанру типичных черт героического эпоса. Автором на основе историко-типологического метода и метода сюжетного анализа исследуется корпус текстов сказочного эпоса чувашей и калмыков. В исследовании рассмотрены основные труды, посвященные настоящей проблеме, проводится сравнение соответствующих чувашских текстов со сказочным эпосом калмыков, указывается на инкорпорирование в героическом эпосе «Джангар» биографии и подвигов сказочного героя. Автором также рассмотрены такие блоки героического сказовства, как бездетность родителей, чудесное происхождение, героическое детство и единоборство. Все эти мотивы присущи как богатырской сказке, так и героическому эпосу. Героические традиции чувашского и калмыцкого сказочного эпоса выражаются в этнокультурных реалиях, сюжете, эпических мотивах, художественных приемах. При этом у исследователей нет оснований говорить о полном тождестве идеально-художественного комплекса героического эпоса и богатырской сказки. Героический эпос и сказка – жанры существенно дифференцированные. Здесь максимально можно говорить об эпичности богатырских сказок, о сходстве и диффузии, но не о полном взаимосоответствии, и, естественно, нет необходимости достраивать волшебно-героическую сказку до классического эпоса. Публикация вносит вклад в обоснование свойственности богатырской сказке основных черт героического эпоса.

Ключевые слова: богатырская сказка, чуваши, калмыки, традиции.

Финансирование. Исследование выполнено по плану научно-исследовательской работы Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры) РАН «Слагаемые этнокультурной идентичности».

Anton K. Salmin

TRADITIONS OF CHUVASH AND KALMYCK FAIRY TALE EPIC

Abstract: the article is devoted to a long-term dispute about the peculiarity / non-property of the fairy tale genre of the typical features of the heroic epos. On the basis of the historical-typological method and the method of plot analysis, the corpus of texts of the Chuvash and Kalmyk fairy tale epic has been studied. The study considers the main works devoted to this problem, compares the relevant Chuvash texts with the Kalmyk fairytale epic, points to the incorporation of the biography and exploits of the fairytale hero in the heroic epic “Dzhangar”. The author also considers such blocks of heroic matchmaking as the childlessness of parents, a miraculous origin, heroic childhood and martial arts. All these motives are inherent in both the heroic tale and the heroic epic. The heroic traditions of the Chuvash and Kalmyk fairy tale epic are expressed in ethno-cultural realities, plot, epic motifs, and artistic devices. At the same time, researchers have no reason to talk about the complete identity of the ideological and artistic complex of the heroic epic and the heroic tale. The heroic epic and fairy tale are essentially differentiated genres. Here, one can speak as much as possible about the epic nature of heroic tales, about similarities and diffusion, but not about complete identity, and, naturally, there is no need to complete the magic-heroic tale to the classical epic. The publication contributes to the substantiation of the main features of the heroic epos in the heroic tale.

Keywords: Heroic fairy tale, Chuvash, Kalmyks, traditions.

Funding. The study was performed under the R&D plan of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences “Factors of ethnocultural identity”.

Введение

История изучения чувашского эпоса классической формы имеет вековую историю. Имеются разные подходы к его трактовке. Н. И. Ашмарин эпосом считал чувашские исторические песни [Ашмарин, 1994]. Н. В. Никольский под ним понимал сказочные тексты былинного типа [Никольский, 2004]. И. С. Тукташ

предлагал собирать осколки преданий об *улăпах*¹. М. Я. Сироткин убеждал, что эпос в собственном смысле слова у чувашей не сложился, и ученый не разграничивал между собой волшебную и богатырскую сказки [Сироткин, 1970, с. 195]. Лепту в исследование чувашской улыпиады как эпоса внес И. И. Одюков [Одюков, 1973]. В. Я. Канюков отстаивал вопрос о целостном изучении всей системы жанров героического характера [Канюков, 1971, с. 46–47]. Тем не менее в поисковых исследованиях ощущается априорность исходного тезиса – обязательное стремление разыскать в чувашском фольклоре народный героический эпос классической формации или же остатки таковой. Частично разделяя их взгляды, и в отличие от них автор настоящей работы склонен видеть эпические формы в волшебно-сказочном жанре с усилением героико-эпического начала. Особенно типологически близки к героическому эпосу тексты богатырских сказок о змееборстве, объединенные в указателе сюжетов Аарне-Томпсона под №300, 301, 303, 312 I, 502, 532². Но в какой степени проявляют себя традиции героического эпоса в сказке, являются ли они свидетельством предыстории героического эпоса или разложения его – все эти вопросы не перестают быть объектом горячих споров и долгих поисковых исследований [Салмин, 2021].

Материалы и методы исследования

Статья приурочена к столетнему юбилею И. И. Одюкова (1923–1995), моего учителя, фольклориста, профессора Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова.

В основу статьи положен текст доклада, прочитанного на Всесоюзной конференции «Джангар и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов» (Элиста, 1978). На основе историко-типологического метода и метода сюжетного анализа автором исследуется корпус текстов сказочного эпоса чувашского и калмыцкого народов.

¹ Тукташ И. С. Чăваш фольклорĕпе унăн историйĕ çинчен // Чăваш фольклорĕ. Шупашкар : Чăваш АССР государствво издательстви, 1949. С. 18–21.

² Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Ленинград : издание Государственного русского географического общества, 1929. 118 с. См. также: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3-х томах / подготовка текста, предисловие и примечания В. Я. Проппа. Москва : Гослитиздат, 1957. Том 3. С. 464, 465, 472, 474.

Результаты исследования и их обсуждение

Чувашские и калмыцкие сказки о змееборстве, в широком смысле представляющие сюжет героического сватовства, отличаются архаичностью, этнокультурными реалиями, обилием мифологических образов. Героическое сватовство, т. е. поездка за семьдесят семь морей в поисках суженой, похоже на охоту. «Параллелизм «охотиться-свататься» свидетельствует, что понятия «охота» и «сватовство» здесь (в героическом эпосе. – *A. C.*) максимально сближаются, становятся своего рода синонимами» [Гацақ, 1967, с. 35]. Фактура богатырских сказок³ сохранила реалии, отражающие этнокультурные особенности прошлого. Такие моменты, как «старуха месила тесто», «ушли на охоту в лес» свидетельствуют о древних занятиях чувашек, а выражение «старуха со стариком» – явный намек на период сложения жанра. А в калмыцкой традиционной сказке, к примеру, встречаются специфические названия птиц (орла, воробья), животных (коня, овцы), зверей (льва, барса), деревьев (тополя, саксаула), вещей (котла, деревянной трубы) и местожительства (пещеры, джолума). Фразы *китайская тамга, письмо на желтой коже* указывают на наличие древней калмыцкой письменности, *скот четырех родов* – на традиционные занятия. Этнокультурные реалии сказочного эпоса выступают в качестве первичных отличительных признаков. В то же время сюжет о сватовстве и выступлении героя против таинственных сил природы в целом является древнейшим мотивом героического эпоса [Кор-оглы, 1976, с. 128].

³ В качестве примеров см. сказки чувашские: «Иван паттэр» («Иван богатырь») из архива автора, «Йаван ҫичё хутлә ҫёр-шывран таврәнни» («Возвращение Йывана из семислойной страны»), «Вархонь ҫёләнсемпә ҫапаҫни» («Поединок Вархоня со змеями») из научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук; «Иван паттэр» («Иван богатырь») из экспедиционных материалов по чувашскому фольклору кафедры чувашской литературы Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова); калмыцкие: «Батыр Дамбин-Улан и храбрый конь его Довшурин-Хурдун-Хара», «Эрин-Сян-Сеняка», «Зальта-Мерген-Баатр и мудрый конь его Золь-Цоохор» в: Медноволосая девушка: калмыцкие народные сказки / перевод, составление и примечания М. Ватагина. Москва, 1964. С. 11–80.

В классическом эпосе, равно как и в песнях о Джангаре, используется общий фонд эпической поэтики: это и приемы героизации образов, изобразительно-выразительные средства, традиционные для изображения героев, схемы развития сюжета и героической битвы богатырей [Биткеев, 1976, с. 73].

В центре героического эпоса стоит герой, функцией которого и определяется сюжетное содержание в целом. Повествование в нем отличается биографичностью развертывания событий. События эти, нанизываясь друг на друга, составляют единое целое. Традиционная формула героической биографии сказочного героя представляет собой последовательность мотивов-функций: бездетность родителей, чудесное зачатие, чудесное происхождение, богатырское детство, выбор коня и доспехов, богатырская скачка, встреча со спутником, троекратное единоборство со змеем (чув. *çёлен*, калм. *мус*) и победа над ним, возвращение к родному очагу; свадьба (чув. *туй*, калм. *хурм*).

По народному представлению, эпический герой, осуществляющий вековые чаяния людей, никак не может быть существом земного, т. е. обычного происхождения. Мысль о незаурядности народного богатыря (чув. *паттар*, калм. *баатар*) пронизывает всю художественную ткань эпоса. Пафос традиционной сверхъестественности закладывается еще до появления героя на свет. «Жили старуха со стариком. Состарились они, но не было у них детей», – гласит чувашская сказка («Поединок Вархоня со змеями»). «В древние времена в вилайете Акташ жил Султанхан. У Султана было три жены, и у всех трех не было детей. Долгое время царствовал Султанхан в стране Акташ, молодость его прошла, борода поседела», – начинается узбекский эпос «Рустамхан». Тот же самый мотив бездетности родителей имеет место в калмыцкой сказке «Батыр Дамбин-Улан» и чувашской «Иван паттар».

Один из немаловажных мотивов эпоса – чудесное зачатие героя. Данный мотив является компонентом зачина. Родители скрывают из-за отсутствия наследника, они не находят почета среди них. В сказке «Поединок Вархоня со змеями» старуха по совету знахаря осуществила свою мечту, выпив навар чудесной

травы. Чудесному зачатию также способствуют капли крови и слез, рыба, а иногда трава, яблоко. Представление о девственном зачатии (партеногенезе) возникло еще в мифологическую пору мышления. Вера в то, что употребление неизвестной травы вызывает плод у неспособной рожать, отражает суеверные представления народа. Несмотря на поздние религиозные наслоения, в основном чудесное зачатие вырисовывается как мотив традиционный, древний.

Чудесное рождение – это появление на арену событий главного героя, предварительно прошедшего путь «эпической обработки». Этот мотив – итог первых двух мотивов, заключительный этап, где основное лицо эпического повествования еще не может проявить себя: «Выпила навар травы. Немного прошло времени, и старуха действительно родила сына» («Поединок Вархоня со змеями»); «К приходу Кусьмы жена сидит на нарах и держит на руках новорожденного. Вот чудеса! Вот странности! От удивления Кусьма ни туда, ни сюда» («Иван патырь», запись 1972 г.).

В других вариантах сказок о богатырях можно отметить следующие моменты: муж возвращается с охоты или пахоты и, увидев на руках жены ребенка, сомневается в своем отцовстве. В ряде случаев вообще отсутствует отец, в других сказках отец удивлен или ревнует – отсюда разнобой в текстах.

Мотив происхождения помогает узнать центральную фигуру эпоса. В калмыцкой богатырской сказке «Эрин-Сян-Сеняка» Сомпан-Дельдинг зачинает повествование, он же сражается и побеждает Бяр-Улана, но ему не суждено стать эпическим героем. Второстепенная его роль сообщается нам, во-первых, тем, что в тексте говорится о рождении не Сомпан-Дельдинга, а его сына Ута-Хаалги; во-вторых, главного и самого сильного врага – маленького муса побеждает не Сомпан-Дельдинг, а ум и сила Ута-Хаалги.

Мотив героического детства как прием героизации богатыря имеется во вступлении песен, входивших в репертуар Ээляна Овлы. В нем подробно повествуется о подвигах Джангара в детские годы:

На третьем году жизни...

Врата трех крепостей разрушив,

*Грозного Шара-Гульджинг мангас-хана
Вере и власти своим подчинил он;
На четвертом году жизни,
Врата четырех крепостей разрушив,
Могучего Дердинг-Шара мангас-хана
Вере и власти своим подчинил он;
Всего лишь в пять лет,
Пятерых злых ханов-шулмусов
Взяв в плен, вере и власти своим подчинил он...
В шесть лет
Врата шести крепостей разрушил,
Концы сотен пик сломал,
Мудрого Алтан-Чээджи приняв к себе,
Главой правого полкура
Своих бесчисленных богатырей поставил;
На седьмом году жизни нижние семь стран покорил,
Имя свое Славный Джсангар провозгласил [Биткеев, 1976, с. 73–74].*

Быстрый и богатырский рост, проявление физической силы в детском возрасте присущи и сказочному эпосу: «Ребенок рос по часам. За двое суток стал взрослым человеком» («Поединок Вархоня со змеями»).

Кульминационной точкой в героическом повествовании является единоборство. Именно мотив единоборства героя с мифическими чудовищами представляет веху, которой подчинены все функции героя, после чего действие и маршрут двигаются как бы обратным ходом.

Единоборство, богатырский поединок в героическом эпосе монголов занимает, как и у других народов, чрезвычайно важное место. Этому мотиву посвящены самые яркие страницы эпоса. Несомненно, богатырские поединки должны иметь историческую основу, служить отражением важнейших событий в реальной исторической действительности. Исторические памятники свидетельствуют

нам о случаях, когда единоборство, а потом победа над богатырем или полководцем в бою играли решающую роль исхода битвы в целом [Кичиков, 1976, с. 15]. Таков калмыцкий сказочный эпос, где батыр уничтожает мусов и шулмусов. Таковы богатырские сказки чувашей: паттыр в единоборстве отсекает головы змеев. Эти и другие мотивы характерны как богатырской сказке, так и героическому эпосу.

Традиционные эпические мотивы богатырской сказки указывают нам на архаические корни затерянного, не зафиксированного, разбросанного, не успевшего оформиться чувашского народного эпоса. «Сюжетный костяк» богатырской сказки» – это «описание богатырской биографии героя» посредством мотивов. Верность канонам «богатырской сказки сохраняется и в эпосе «классических» формаций» [Неклюдов, 1977, с. 130], т. е. наблюдается аналогия мотивов сказочного и классического эпосов. «Сказочный змееборческий мотив органически вошел в калмыцкий эпос» [Горяева, 2022, с. 1412].

Главная художественная особенность – богатырство – передается не только через композицию, но проявляется и в изобразительных средствах. Сказочный богатырь носит двенадцатипудовый меч, крупные кости выплевывает изо рта, мелкие кости выдувает через нос и у них в котлах варится столько мяса, что всем собакам хватит, а быки взрывали рогами так, что горы вырастали. Здесь эпитеты *красавец* и *богатырь* синонимичны, т. к. формула народной эстетики такова: богатырь, значит, красив; красив, значит, богатырь, иначе не может быть. В большинстве случаев этим объясняется отсутствие в тюрко-монгольском эпосе описания портрета героя наряду с обширным пересказом о вооружении, доспехах и коне.

Рассматриваемые героические традиции имеются у многих генетически неродственных и отдаленных народов: калмыков, народов Дагестана, тувинцев, татар, русских, белорусов, румын, мордвы, чувашей и др. «Когда сравнительный анализ приводит к тому, что обрывы восстанавливаются с помощью данных эпического творчества других народов, это, с одной стороны, укрепляет нашу веру в органичность всей цепи, а с другой – проливает свет на исторические связи

фактов чужого эпоса, помогая и в этом эпосе воссоздать подобную цепь» [Путилов, 1971, с. 38].

Об этом же свидетельствуют приводимые параллели некоторых сюжетных мотивов, ср.: Чувашская сказка «Возвращение Йывана из семислойной страны»

1. Направился Йыван к указанному *ämärt kaiák* (орлу). В гнезде находились два птенца. В это время к ним заползл *çölen* (змей), чтобы съесть, и шипел. Как только змей достиг вершины дерева, Йыван хлестнет змея мечом. Так и растянулся змей.

2. Говорят птенцы Йывану: «Спасти-то ты спас, но тебя мать, как прилетит, в мгновенье съест, спрячься под наши крылья». Йыван спрятался под крылья птенцов.

3. Орел переносит богатыря из того света на свет белый.

4. Спутник отрезает веревку, по которой поднимался богатырь с того света. Богатырь срывается на дно пещеры.

Калмыцкая сказка «Зальта Мерген-Баатр и мудрый конь его Золь-Цоохор»

1. Мерген посмотрел на гнездо: в нем сидели птицы. Вдруг из пещеры с грохотом выполз змей. Толще самого толстого дерева был этот змей. На солнце сверкала белая чешуя. И высоко поднималась плоская черная голова. Рев огнедышащих гор вырвался из пасти его. Змей направился к дереву, на котором сидели птицы. Тут из укрытия выскочил храбрый Мерген. Меч свой надежный выхватил храбрый Мерген. Всю свою силу вложил в удар храбрый Мерген. Одним ударом голову змея отсек, а толстое тело его разрубил на куски.

2. Птенцы птицы Гаруды ему говорят: «Бесстрашный спаситель наш! Спрячьтесь, спрячьтесь скорей, пока не вернулась сюда наша мать. Она очень свирепа и может вас разорвать. Мы ей сначала расскажем о Вас, богатырь».

3. Птица Гаруда переправляет батыра через Внешний океан.

4. Зятья бросают батыра в яму, которую они вырыли сами.

Наличие произведений устной поэзии у разных народов, не имевших прямых хозяйствственно-экономических, культурных, политических связей и взаимоотношений, особенно в ее поздние периоды, по-видимому, говорит о древности

сюжетных мотивов. Все это дает право предполагать, что исторические корни параллелей произведений этого типа уходят далеко вглубь истории, как и многие параллели других видов устной поэзии разных народов, а именно: к ранним монголо-туркским связям [Одюков, 1967, с. 227–228].

Иначе говоря, одинаковые параллели зависят и от исторической обусловленности, ибо только определенная стадия в процессе формирования народа может служить материнским лоном традиционного эпоса, а проблемы исторической поэтики чувашского фольклора заслуживают специального исследования.

Выводы

Героические традиции чувашского и калмыцкого сказочного эпоса выражаются в этнокультурных реалиях, сюжете, эпических мотивах, художественных приемах.

Героический эпос и сказка – жанры существенно дифференцированные. При их изучении имеет смысл говорить об эпичности богатырских сказок, о сходстве и диффузии, но не о полном взаимосоответствии, и в современных условиях нет необходимости достраивать волшебно-героическую сказку до классического эпоса. Наш долг не в трансформировании исходных текстов, а в их фиксации, анализе и толковании, а также определении самобытности.

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Незаконченные рукописи // Слово = Сামах: 1993: исследования и тексты. Чебоксары, 1994. С. 85–96.
2. Биткеев Н. Ц. Основные образы богатырей и героизация их в «Джангаре» (к проблеме эпической традиции) // Вопросы происхождения и поэтики «Джангара». Элиста, 1976. С. 62–93. EDN SPQITX
3. Гацак В. М. Восточнороманский героический эпос: исследование и тексты. Москва : Наука, 1967. 476 с. EDN VNNETJ
4. Горяева Б. Б. Мотив пути в калмыцких сказках, включающих сюжет ATU 300 The Dragon-Slayer // Oriental Studies. 2022. Том 15, №6. С. 1410–1421. DOI 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1410-1421. EDN NUMJKJ
5. Канюков В. Я. От фольклора к письменности. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1971. 127 с.

6. Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар» (вопросы исторической поэтики). Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1976. 156 с. EDN YMIVBZ
7. Кор-оглы Х. Г. Огузский героический эпос. Москва : Наука, 1976. 239 с.
8. Неклюдов С. Ю. Жанрово-типологическое сопоставление бурятского героического эпоса и русской былины // Фольклор: поэтическая система. Москва : Наука, 1977. С. 126–134.
9. Никольский Н. В. Ёлёкхи чаваш халাখ юмахёсем ڦинчен // Никольский Н. В. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. Том 1. С. 443–449
10. Одюков И. И. Сюжетно-образные параллели устных произведений типа «Синичка» у чувашского и калмыцкого народов // Ученые записки / Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1967. Выпуск 34. С. 226–230.
11. Одюков И. И. Чувашские сказания об улпах // Вопросы русской и чувашской филологии. Чебоксары, 1973. Выпуск 3. С. 83–110.
12. Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос: сравнительно-типологическое исследование. Москва : Наука, 1971. 315 с.
13. Салмин А. К. Жанровые особенности богатырских сказок: теоретические изыскания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. №70. С. 285–297. EDN UTLVVQ. DOI 10.17223/19986645/70/16
14. Сироткин М. Я. Устно-поэтическое творчество // Чуваши: этнографическое исследование. Часть 2 : Духовная культура. Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1970. С. 173–217.

References

1. Ashmarin N. I. (1994). Nezakonchennye rukopisi. Slovo = Сăмакх: 1993: issledovaniya i teksty. Cheboksary, 85–96.
2. Bitkeev N. Ts. (1976). Osnovnye obrazy bogatyrey i geroizatsiya ikh v “Dzhangare” (k probleme epicheskoy traditsii). Voprosy proiskhozhdeniya i poetiki “Dzhangara”, 62–93. EDN: SPQITX

3. Gatsak V. M. (1967). The heroic epic songs of eastern Romanians. Nauka. EDN: VNNETJ
 4. Goryaeva B. B. (2022). ATU 300 The Dragon-Slayer: Motif of Way in Kalmyk Folktales. *Oriental Studies*, 15(6), 1410–1421. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1410-1421>. EDN NUMJKJ
 5. Kanyukov V. Ya. (1971). *Ot fol'klora k pis'mennosti*. Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
 6. Kichikov A. Sh. (1976). Issledovanie geroicheskogo eposa “Dzhangar” (voprosy istoricheskoy poetiki). Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. EDN YMIYBZ
 7. Kor-ogly X. G. (1976). Oguzskiy geroicheskiy epos. Nauka.
 8. Neklyudov S. Yu. (1977). Zhanrovo-tipologicheskoe sopostavlenie burjatskogo geroicheskogo eposa i russkoy byliny. *Fol'klor: poeticheskaya Sistema*, 126–134.
 9. Nikol'skiy N. V. (2004). *Elĕkkhi chăvash khalăkh yumakhĕsem çinchen*. Nikol'skiy N. V. Sobranie sochineniy, 1, 443–449
 10. Odyukov I. I. (1967). Syuzhetno-obraznye paralleli ustnykh proizvedeniy tipa “Sinichka” u chuvashskogo i kalmytskogo narodov. *Uchenye zapiski. Nauchno-issledovatel'skiy institut pri Sovete Ministrov Chuvashskoy ASSR*, 34, 226–230.
 11. Odyukov I. I. (1973). Chuvashskie skazaniya ob ulpakh. *Voprosy russkoy i chuvashskoy filologii*, 3, 83–110.
 12. Putilov B. N. (1971). Russkiy i yuzhno-slavyanskiy geroicheskiy epos: srovnitel'no-tipologicheskoe issledovanie. Nauka.
 13. Salmin A. K. (2021). *Genre Peculiarities of Heroic Fairy Tales: Theoretical Research*. *Tomsk State University Journal of Philology*, 70, 285–297. <https://doi.org/10.17223/19986645/70/16> EDN: UTLVVQ
 14. Sirotkin M. Ya. (1970). Ustno-poeticheskoe tvorchestvo. *Chuvashi: etnograficheskoe issledovanie*. Dukhovnaya kul'tura, 173–217.
-

Салмин Антон Кириллович – Член Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при МАЭ РАН, Заслуженный деятель

науки Чувашской Республики, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Anton K. Salmin – Member of the Dissertation Council for the defense of doctoral and Candidate dissertations at the MAE RAS, Honored Scientist of the Chuvash Republic, Dr. Sci. (Hist.), leading research scientist, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation.
